

Christoph

Гилберт К.Честертон
**БЭЗИЛ
ХОУ**

История первой любви

НАШИ ПЕРСПЕКТИВЫ,
как они были определены членами
Клуба начинающих спорщиков

Перевод с английского и предисловие

Николая Эппле

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ч-51

This edition published by arrangement with A P Watt at United Agents LLP and
The Van Lear Agency LLC

Составитель НИКОЛАЙ ЭППЛЕ

В книге использованы рисунки Г.К. ЧЕСТЕРТОНА

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Честертон, Гилберт

Ч-51 Бэзил Хоу : роман / ГИЛБЕРТ ЧЕСТЕРТОН; пер. с англ., Н. ЭППЛЕ. —
Москва : Издательство АСТ: CORPUS, 2015. — 288 с.

ISBN 978-5-17-087293-0

Впервые в русском переводе два романа: обнаруженный после столетнего забвения юношеский роман Честертон «Бэзил Хоу» — о юморе на небесах, о дружбе на земле, о вечной вере в свои убеждения, а не в себя, о неуклюжей невинности, которая не дрогнет перед «зверской серьезностью». И роман-буриме, недописанный членами «Клуба начинающих спорщиков», основателем которого в школьные свои годы стал Честертон. Роман о будущем, в котором уже взрослые «спорщики» носятся по всем континентам, то и дело встречая и спасая друг друга. И этот плод дружеских трудов — узнаваемо Честертоновский роман-возвращение.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-087293-0

- © by 2000 by The Royal Literary Fund
- © Н. Эппле, составление, предисловие, перевод на русский язык, 2015
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
- © ООО «Издательство АСТ», 2015
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Николай Эппле
Романтический герой возвращается домой 7

Бэзил Хоу

роман

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1. Зритель и драма	31
Глава 2. История трех малюток	40
Глава 3. Героев наконец представляют друг другу	47
Глава 4. Немного о смехах и взрыв	55
Глава 5. Приключения гребной лодки	68
Глава 6. День покоя	83
Глава 7. Признание Бэзила Хоу	95
Глава 8. Любовь есть исполнение закона	112
Глава 9. В которой птенец встает на крыло	119

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1. Валентин Амьен.	131
Глава 2. О чем говорили в гостиной	138
Глава 3. Гертруда	150
Глава 4. Кадриль и пробуждение чувств.	155
Глава 5. В которой три неромантичных человека держат военный совет.	167
Глава 6. В которой предсказывают судьбы	176
Глава 7. Поэт и журналист.	190
Глава 8. Эдемский сад.	203
Глава 9. Признание Гертруды Грэй.	214

Наши перспективы,

как они были определены членами клуба
начинающих спорщиков

Пролог	233
Глава 1. Усадьба.	235
Глава 2. Мотыльки и свеча	242
Глава 3. Лейтенант Бертрам	249
Глава 4. Без названия	253
Глава 5. Нигилизм	265
Глава 6. Опасности бурного моря	276
Глава 7. Горный разбойник	281

Романтический герой возвращается домой

Гилберт Кийт Честертон и его первый роман

Гилберт Кийт Честертон — один из самых необычных писателей. Сейчас, особенно в Америке, где три года назад вышел 37-й, последний на сегодняшний день том полного собрания его сочинений, его все больше называют самым недооцененным. Его наследие с трудом укладывается в привычные рамки и определения. Прежде всего потому, что написал он невероятно много и в самых разнообразных жанрах. Наиболее узнаваемым его персонажем считается отец Браун — герой ставших классическими детективных рассказов. Сам Честертон, хотя и был много лет председателем детективного клуба и вместе с Агатой Кристи, Доротей Сэйерс и Рональдом Ноксом разрабатывал канон детективного жанра, считал эти рассказы далеко не самым главным из написанного. Его бесчисленные газетные

эссе — кто-то подсчитал, что их почти 7000! — составляют особый жанр английской литературы. Его религиозно-философские трактаты “Ортодоксия” и “Вечный Человек” стали классикой христианской апологетики XX века. Его стихи, почти неизвестные в России, оригинальны и крайне интересны — особенно ни на что не похожие поэмы “О белом коне”, “О святой Варваре” и “Лепанто”. Еще одна важная часть наследия Честертона — его биографии. Биография Диккенса считается лучшей, книга о Фоме Аквинском во многом реабилитировала в глазах современников средневековую схоластику, а о Франциске Ассизском способствовала новому взгляду на католичество в целом. В сонете, написанном на смерть Честертона его товарищем по детективному клубу, священником Рональдом Ноксом, перечислены герои его биографий. Этот сонет лучше всего прочего говорит о методе Честертон-исследователя. Отсутствие дистанции между автором и предметом исследования, которую многие считают столь необходимой, — самая яркая и самая привлекательная для одних и отталкивающая для других черта честертоновского метода:

“Со мной он плакал”, — Браунинг сказал,
“Со мной смеялся”, — Диккенс подхватил,
“Со мною, — Блейк заметил, — он играл”,
“Со мной, — признался Чосер, — пиво пил”,
“Со мной, — воскликнул Коббет, — бунтовал”,

“Со мною, — Стивенсон проговорил, — Он в сердце человеческого читал”,

“Со мною, — молвил Джонсон, — суд вершил”.

А он, едва явившийся с земли,

У врат небесных терпеливо ждал,

Как ожидает истина сама,

Пока мудрейших двое не пришли.

“Он бедных возлюбил”, — Франциск сказал,

“Он правде послужил”, — сказал Фома¹.

Но самый “концентрированный” Честертон — это романы, которых на фоне такой плодовитости немного — всего шесть. Парадоксальность, экстравагантность, неожиданность ходов — все это расцветает в романах буйным цветом. В “Наполеоне Ноттингхильском” Лондон, разделенный по воле чудака правителя на города-общины, погружается в междоусобные войны, возрождающие давно забытые рыцарские добродетели. В “Человеке, который был Четвергом” заговор террористов-подпольщиков оборачивается чуть ли не тайной творения. “Шар и крест” — повесть о непримиримых противниках, которых равнодушие к истине среди торжествующего безразличия делает лучшими друзьями, а “Жив-человек” — история возвращения домой как авантюрного предприятия, сулящего многие опасности. В “Перелетном кабаке” рассказывается о прекрасной

1 Перевод А. Якобсона.

НИКОЛАЙ ЭППЛЕ

Г. К. Честертон в возрасте 5 лет

войне, которой чревата унылая повседневная жизнь, а героя “Возвращения Дон Кихота”, незаметного библиотекаря, величие духа превращает в короля и воина. Романов, как выяснилось, не шесть, а семь, но подробнее об этом чуть позже.

Главной особенностью Честертонa называют удивительное, только ему свойственное умение соединять парадоксальность со здравомыслием, напоминать, что истина, добро и красота, которые каждый из нас встречает в повседневной жизни, — требуют битвы за них, ежеминутного крестового похода, который, правда, может выражаться в лежании в постели, пении хором или погоне за унесенной ветром шляпой.

Самый известный честертоновский образ — силуэт белого коня на меловых холмах английского Йоркшира из одноименной баллады. Чтобы белый конь мог остаться самим собой, десятки поколений должны были бдительно отчищать поверхность холма от травы, не давая рисунку исчезнуть, — чтобы удержаться на одном и том же уровне добродетели, нужно все время двигаться вперед. Веселая и непримиримая битва с миром.

Его всегда было принято ругать за легковесность, болтливость и пристрастность, а его исследования упрекать в недостаточной верности фактам. Сам Честертон охотно соглашался с этими обвинениями, говоря, что считает себя скорее журналистом, чем писателем. Ему ставили в вину морализаторство и партийность, а когда в 48 лет он вдруг обратился в католичество и стал пи-

сать книги в защиту Церкви, — натужный догматизм и идеологизированность. Однако время идет, и выясняется, что легковесные и нестрогие биографии этого “журналиста” переживают множество стремительно устаревающих увесистых ученых исследований, а его партийность и морализаторство оказываются глотком воды живой для нашего времени, мечущегося между крайностями релятивизма и догматизма, несерьезного отношения к своим идеям и серьезного отношения к себе.

В эпоху, крайне настороженно относившуюся к религии, он становится примером верующего, христианина, воина веры. Нелепый, детский, несерьезный, предпочитающий быть предметом насмешек, а не почитания, но при этом горячий полемист и пламенный проповедник, он оказывается самым убедительным образцом верующего интеллектуала. Важнейшее свидетельство, которое можно вычитать из его книг, — о том, что христианство не набор тезисов, никак не идеология, а образ жизни и соединение несоединимого. В год его смерти Папа Римский Пий XI назвал его “защитником веры”, а два года назад Папа Франциск объявил о начале процесса его канонизации.

Честертон в России — сюжет совершенно особый и весьма примечательный. Его начали с увлечением читать и переводить еще в 1920-е годы, видя в его парадоксах и фантастике не столько свободу, сколько лихое отрицание догм. К числу его поклонников относились

такие разные люди, как Корней Чуковский, Анатолий Луначарский, Сергей Эйзенштейн. В пору безвременья 1930–1950-х он пропал из виду, слишком был свеж и свободен, и появился снова уже в самиздате 1960-х, в основном трудами Натальи Трауберг — не только переводчика, но таинственным образом и свидетеля и апологета райской Англии Честертона, Вудхауза, Льюиса, Дороти Сэйерс и многих других. За это внутреннее родство в Англии ее даже называли “мадам Честертон”. Стоит найти и прочитать ее многочисленные статьи о Честертоне (в том числе о его восприятии в России), особенно же интересна в связи с содержанием этого нашего издания маленькая, небольшого тиража книжка “Неожиданный Честертон”; в ней в числе прочего есть переводы ранних прозаических фрагментов, написанных примерно тогда же, когда “Бэзил Хоу”.

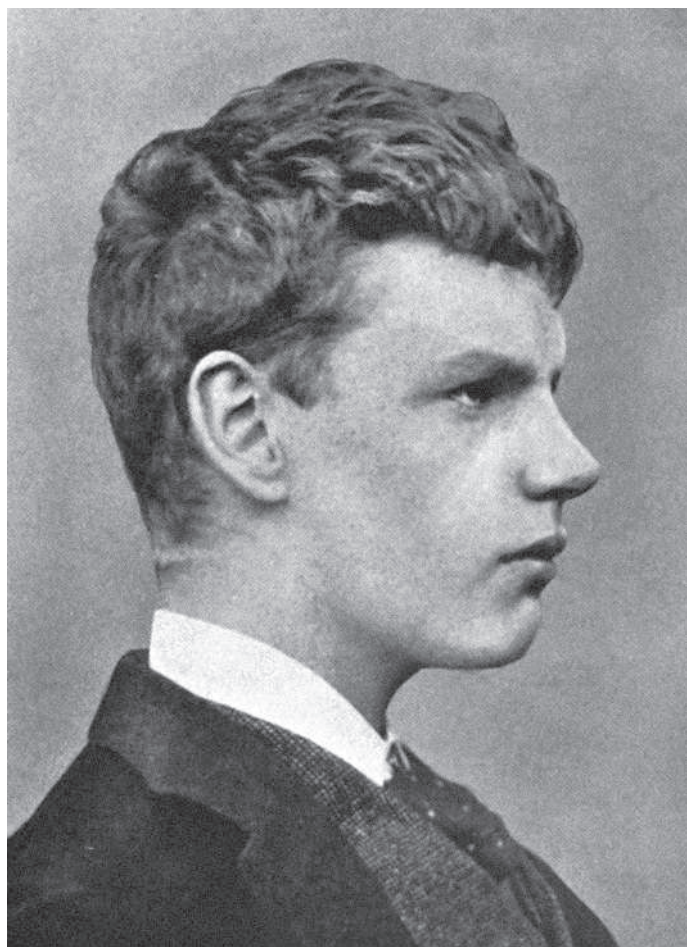
Рукопись, найденная в сундуке

До конца XX века считалось, что первый роман Честертон — “Наполеон Ноттингхильский”, написанный, по преданию, для заработка, когда чете Честертонсов совсем нечего было есть. Однако в 1989 году вдруг выяснилось, что романов не шесть, а семь, и первый из них был написан за десять лет до “Наполеона” двадцатилетним Честертонсом. Его история, история книги, которую держит в руках читатель, началась, как и положено

необыкновенным историям, с рукописи, найденной в сундуке.

Дороти Коллинз, секретарь Честертона с 1926 года до его смерти в 1936-м, а затем хранительница его архива, умерла в 1989 году, и архив приобрела Британская библиотека. (Примечательная деталь, характерная для отношений Честертон с его оппонентами и для британской культуры спора вообще: сумму в 200 тысяч фунтов перечислил за архив фонд Бернарда Шоу, одного из наиболее горячих оппонентов Честертон.) Тогда-то при подготовке бумаг к транспортировке был найден сундук, в котором, как считалось, хранились старые профессорские мантии. Но, к удивлению исследователей, под пыльными мантиями обнаружили почти две сотни записных книжек, старых школьных учебников и разрозненных бумаг. По-видимому, эти бумаги были вывезены из родительского дома Честертон после смерти его матери.

Судя по записям Дороти Коллинз, она пыталась классифицировать содержимое сундука, но смерть Честертон и последовавшая затем война — дом мисс Коллинз был превращен в госпиталь, а сама она водила санитарную машину — не дали довести эту работу до конца, и часть бумаг осталась неразобранной. Усложнило классификацию еще и то, что Дороти Коллинз или Франсис Честертон, вдова писателя, пытаясь составить указатель, сложили титульные страницы в одну папку, отделив их от рукописей. После смерти Коллинз

Г. К. Честертон в возрасте 17 лет.